

Тр. 4. 16. №10.

X X 1 - 2 - 13.

№15

О ПОЧИВШЕМЪ
МИТРОПОЛИТЪ ЛИТОВСКОМЪ
ЮСИФЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Кояловича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

О ПОДВЪЗДѢ

МНѢШЕНІЯ И ОТВѢТЫ

ПОСЛАНЫ

М. ПЕТЕРБУРГУ

САНКТИМЕТЕРЪ РЪ

1869

О ПОЧИВШЕМЪ
МИТРОПОЛИТЪ ЛИТОВСКОМЪ
ЮСИФЪ.

СОЧИНЕНІЯ

М. Кояловича.

449/99

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Департамента Удѣловъ (Литейный просп., № 39).

1869.

О ПОДПИШЕ

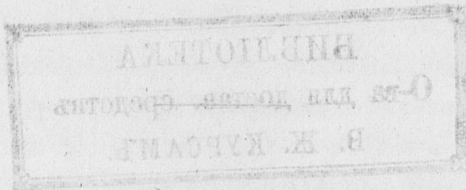
МНТРОПОУНТЪ УЛТОВСКОМЪ

ЛОСМЪ

Изъ журнала «Христіанское Чтеніе» № 12 1868 г. и № 1 1869 г.

СОДЕРЖАНІЕ

М. КОЛЕСОВА

Handwritten scribbles

САНИТАРІЯ

Во типографіи Департамента Училищъ (Училищный проспектъ № 89)

1869.

23-го ноября отошелъ къ Богу великій западно-русскій святитель и великій защитникъ западно-русскаго народа, литовскій митрополитъ Іосифъ. Жизнь этаго необыкновеннаго человѣка есть, можно сказать, исторія всей западной Россіи новѣйшаго времени. Его нельзя отдѣлить отъ нея, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на эту страну. Поэтому нельзя говорить о митрополитѣ Іосифѣ, не касаясь важнѣйшихъ событій западной Россіи, не проникая до основъ русской и православной жизни этой страны, которой онъ вѣрно служилъ съ самой ранней юности и до послѣдней минуты жизни.

Митрополитъ Іосифъ родился въ 1798 году (1) въ селѣ Павловкѣ, Кіевской губерніи, Липовицкаго уѣзда. Отецъ усопшаго былъ уніятскимъ священникомъ села Павловки, а въ послѣдствіи православнымъ протоіереемъ въ епархіи сына, именно, въ селѣ Дзѣгушки, Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда. По народности митрополитъ Іосифъ былъ русскимъ изъ малороссійскаго племени.

(1) Впрочемъ, извѣстія о годѣ рожденія митрополита Іосифа разногласны; по инымъ онъ родился раньше.

изъ того племени, которое, какъ бы, въ самой крови своей заключаетъ стремленіе къ русской православной жизни и изъ котораго вышло столько знаменитыхъ борниковъ западно-русской церкви и народа. По семейному преданію, слышанному нами въ 1851 г. отъ отца митрополита Іосифа, въ ту минуту, когда родился будущій великій іерархъ западно-русскій, имѣвшій, по волѣ Провидѣнія, воссоединить съ православною церковію полтора милліона уніятскаго народа, колоколъ православной церкви въ Павловкѣ ударилъ къ заутрени. Событіе это въ связи съ тѣмъ, что еще дѣдъ покойнаго былъ православнымъ, имѣло не малое вліяніе на развитіе его съ самой ранней юности. Онъ считалъ православную Павловецкую церковь родною себѣ и, по собственнымъ его словамъ, слышаннымъ нами, часто бѣгалъ въ нее изъ дому къ богослуженію. Но въ то время, когда юная душа его родилась и свыкалась съ православіемъ, кругомъ его, какъ увидимъ ниже, подготавливалась конечная гибель въ пользу латинства всего уніятства и эта гибель носилась надъ главою Іосифа съ первыхъ шаговъ его образованія.

Онъ воспитывался сперва, до 1816 г., въ Немировской гимназіи, руководимой злѣйшимъ польскимъ патриотомъ Чацкимъ, а потомъ до 1820 г. въ главной семинаріи, т. е. духовной академіи, бывшей при Виленскомъ университетѣ, руководимомъ лучшими силами партіи Чарторыйскаго. Нужно было имѣть великую крѣпость русской народности и великую силу ума, чтобы понять внутреннюю ложь этого великолѣпнаго по внѣшности просвѣщенія Виленскаго университета, и не пасть въ немъ подобно многимъ другимъ уніятамъ-бѣлоруссамъ и малороссамъ.

„Я всегда вспоминаю съ восторгомъ, замѣчаетъ митрополитъ Іосифъ въ первой своей запискѣ объ униі, — запискѣ, о которой будемъ говорить ниже, — свое въ главной семинаріи пребываніе. Отлично добранное юношество, достойные учителя, превосходное преподаваніе наукъ, совершенное согласіе и дружба, въ подобномъ заведеніи рѣдко случающіяся, навсегда пріятнымъ образомъ запечатлѣли въ моей памяти четырехлѣтнее тамо пребываніе, но я долженъ сказать истину, — нигдѣ униате не соединяются толь тѣсно съ римлянами — и посылаемые въ главную семинарію уніятскіе клирики возвращаются, можетъ быть, разсудительными римлянами, но не хорошими уніятами“. Іосифъ Сѣмашко вышелъ однако невредимымъ изъ этой страшно заманчивой школы полонизма и латинства. Въ его великой душѣ постоянно отзывались стоны роднаго народа, подавляемаго полонизмомъ и латинствомъ, и онъ пошелъ на служеніе ему. Окончивъ главную семинарію, Іосифъ Сѣмашко возвратился въ свою — Луцкую епархію въ 1820 г. Въ томъ же году онъ назначенъ былъ кафедральнымъ Луцкимъ проповѣдникомъ, членомъ Луцкой, греко-уніятской консисторіи и профессоромъ богословіи въ епархіальной семинаріи. Рѣшившись отдаться совершенно служенію своего народа, Іосифъ устранился отъ семейной жизни и въ 1821 г. принялъ священство безженнымъ, но не монахомъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло великое значеніе въ послѣдующей судьбѣ Іосифа Сѣмашки. Онъ остался вѣрнымъ представителемъ и защитникомъ интересовъ бѣлаго уніятскаго духовенства и неразрывно связаннаго съ нимъ народа, т. е. представителемъ всѣхъ задавленныхъ латинянами-поляками, и неутомимымъ обличителемъ монашескаго базилианскаго ордена,

выражавшаго въ своихъ дѣйствіяхъ польскій аристократизмъ и латинскій фанатизмъ. Въ 1822 г. Іосифъ Сѣмашко былъ избранъ отъ Луцкой епархіи членомъ въ Петербургскую римско-католическую коллегію по 2-му департаменту, т. е. по уніятскому отдѣленію ея. Такимъ образомъ, на 24 году своей жизни онъ уже занималъ положеніе представителя уніятской церкви передъ правительствомъ. Передъ необыкновеннымъ его умомъ и волею развернулась вся область жизни уніятской церкви. Что же увидѣлъ онъ въ этой церкви и какія задачи начерталъ себѣ для будущей дѣятельности? Постараемся отвѣтить на эти вопросы съ возможно большею краткостію. Извѣстно, что во времена императрицы Екатерины II было въ западной Россіи необычайное стремленіе народа къ православію. Каждый раздѣлъ Польши сейчасъ же выхватывалъ изъ уніи цѣлыя массы народа. Такъ, послѣ втораго и третьяго раздѣла, съ 1791 по 1796 г., изъ уніи въ православіе перешло около трехъ милліоновъ. Въ уніи остались, кромѣ немногихъ, неожиданно и неволью задержанныхъ въ ней смертью Екатерины, главнымъ образомъ тѣ, которые очень свыклись съ уніей, т. е. сроднились съ полонизмомъ и латинствомъ. Поляки отнеслись къ этой массѣ уніатовъ слѣдующимъ образомъ. Они пришли къ убѣжденію, что нельзя надѣяться и на этихъ уніатовъ, что не стоитъ поддерживать уніятской церкви, а лучше самимъ принять участіе въ ея разрушеніи и поскорѣе переводить въ латинство остающійся въ уніи народъ. Эту задачу они стали осуществлять еще при Екатеринѣ. Они воспользовались для этого крѣпостнымъ правомъ надъ народомъ, которое, со времени перехода ихъ подъ власть Россіи и со времени вступленія ихъ въ среду

русскаго дворянства и чиновничества, стало гораздо крѣпче и безопаснѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, они воспользовались великимъ значеніемъ въ глазахъ Екатерины тогдашняго латинскаго митрополита Сестренцевича, который въ исторіи уніи представляется далеко не такимъ преданнымъ Россіи, какимъ его у насъ обыкновенно представляютъ. Сестренцевичъ добивался подчиненія себѣ уніатовъ, смѣшенія ихъ іерархіи съ латинскою, чего отчасти и добился тѣмъ, что бывшее уніатское управленіе соединено было съ латинскимъ въ Петербургской римско-католической коллегіи. Паденіе Сестренцевича при императорѣ Павлѣ не ослабило, а напротивъ укрѣпило эти усилія поляковъ окончательно поработить себѣ уніатовъ. Они воспользовались могуществомъ при этомъ государѣ полоцкихъ іезуитовъ и извѣстнымъ нерасположеніемъ его къ дѣйствіямъ своей матери. Наконецъ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія силы поляковъ окончательно укрѣпились, благодаря вліянію Чарторыйскаго и распространенію по всей западной Россіи его чисто польской системы образованія. Изъ Петербурга пущено было въ западную Россію почти официально извѣстіе, что правительство само желаетъ перехода уніатовъ въ латинство. Слѣдствіемъ всего этого было то, что цѣлые приходы были обращаемы въ латинство. Въ одной Виленской уніатской епархіи въ началѣ настоящаго столѣтія (до 1809 г.) обращено было въ латинство двадцать тысячъ уніатовъ.

— Уніатская церковь доведена была до отчаяннаго положенія. Лучшіе люди ея понимали, что если суждено ей погибнуть, то пусть лучше она сольется съ русскою православною церковію, нежели съ польско-латинскою. Въ этомъ направленіи еще при Екатеринѣ сталъ дѣй-

ствовать бѣлорусскій епископъ, а потомъ митрополитъ уніятскій Ираклій Лисовскій, тоже малороссъ и на столько извѣстный полякамъ своею преданностію народу, что они, стараясь не допустить его до архіерейства, сочли нужнымъ, между прочимъ, донести русскому правительству, что онъ не шляхтичъ и казацкаго рода. Лисовскій добивался отдѣленія уніи отъ латинства и въ обрядахъ и въ управленіи и сближенія ея съ православною церковью, — онъ просилъ даже подчинить уніятскую церковь св. синоду, и для выраженія болѣе рѣзкаго отдѣленія отъ латинства и сближенія съ православіемъ сталъ измѣнять свою уніятскую одежду и отростилъ себѣ бороду, что по тогдашнимъ понятіямъ латино-польскаго міра было величайшимъ преступленіемъ. Но Лисовскій не могъ добиться никакого существеннаго улучшенія уніатовъ и умеръ въ томъ горѣ, въ какомъ съ конца прошедшаго столѣтія умирали всѣ лучше поборники западно-русскаго народа. Одно только не умерло послѣ него и не могло умереть — это великая мысль о защитѣ западно-русскаго народа отъ латинской польши и о сближеніи его съ православною россіей. Эту мысль продолжали осуществлять ученики Лисовскаго, во главѣ которыхъ сталъ полоцкій каноникъ, а потомъ полоцкій архіепископъ Іоаннъ Красовскій, на котораго Лисовскій въ завѣщаніи своемъ указывалъ правительству, какъ на лучшаго себѣ преемника. Мысль Лисовскаго усвоена была и оживила уніатовъ даже на самой юго-западной уніятской окраинѣ — въ брестской епископіи, гдѣ цѣлая капитула, состоявшая по счастливой случайности изъ бѣлыхъ священниковъ, въ 1819 г. подняла передъ правительствомъ мужественный по своей внутренней силѣ протестъ про-

тивъ порабощенія уніи латинствомъ и въ особенности монашескимъ базилианскимъ орденомъ. Но и эти всѣ люди должны были пасть. Вопль брестской капитулы о спасеніи уніи былъ оставленъ безъ вниманія, а энергичный вождь уніатовъ Красовскій былъ запутанъ въ счетахъ казенныхъ денегъ, подведенъ подъ судъ и скоропостижно умеръ, по общему голосу современниковъ, отъ отравы, поднесенной его врагами.

Вотъ, среди этихъ то обстоятельствъ, выступилъ на поприще исторической дѣятельности 24-лѣтній каноникъ Луцкой уніатской епископіи Іосифъ Сѣмашко. Провидѣнію угодно было сопоставить здѣсь ясновидѣніе ума и непреклонность воли молодаго представителя уніи въ римско-католической коллегіи съ неодолимыми, повидимому, силами латинопольскихъ интригъ и въ самой коллегіи и внѣ ея,—на важнѣйшихъ постахъ русской государственной среды. Мы уже сказали, что высшее управленіе уніатской церкви составляло второй департаментъ римско-католической коллегіи, но по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ рѣшеніе полагалось въ общемъ собраніи коллегіи по большинству голосовъ, которое, конечно, всегда оказывалась на сторонѣ латинянъ. Вслѣдствіе этого, уніаты не имѣли возможности провести ни одной мѣры, благотворной для ихъ церкви и не могли остановить самаго пагубнаго для нея распоряженія. Положеніе Іосифа было тѣмъ тягостнѣе, что тогдашній уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, бывшій брестскій каноникъ и прежде за-одно дѣйствовавшій съ своею капитулой, отсталъ отъ нея и сдѣлался покорнымъ орудіемъ латинянъ-поляковъ. Пять лѣтъ выносилъ это положеніе Іосифъ Сѣмашко, надѣясь одолѣть зло силою правды. Иногда онъ достигалъ великаго

успѣха. Рассказываютъ современники, знавшіе дѣла римско-католической коллегіи, что когда Іосифъ являлся въ общее собраніе ея, то одно появленіе его измѣняло лица латинскихъ предатовъ, а когда онъ выступалъ на защиту уніатовъ по какому либо дѣлу, то смущалъ самыхъ даровитыхъ и смѣлыхъ представителей латинства. Но эти частные, случайные успѣхи не могли, конечно, удовлетворить Іосифа Сьмашко и дать успокоеніе его русской душѣ, страдавшей страданіями родного замученнаго народа. Ранѣе или позже Іосифъ долженъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ на этомъ пути. За вѣтъ Лисовскаго и Красовскаго, подвиги милліоновъ людей, спасавшихъ въ западной Россіи русскую вѣру и русскую народность не могли не вызвать этого избранника Божія на этотъ шагъ.

Однажды вечеромъ, — это было 1827 г. въ первыхъ числахъ ноября, именно 5, — каноникъ Іосифъ былъ у тогдашняго директора департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскаго, и по поводу третій десятокъ лѣтъ тянувшаго дѣла о совращеніи въ Виленской епархіи 20.000 уніатовъ, сталъ высказывать негодованіе на неправды латинскихъ членовъ коллегіи по отношенію къ уніатамъ и доказывать необходимость отдѣленія уніатскаго управленія отъ латинскаго. Пораженный этимъ протестомъ молодаго каноника и какъ бы желая лучше узнать его мысли, Карташевскій вступилъ съ нимъ въ споръ о правахъ уніатской церкви на отдѣльное отъ латинской существованіе. Въ этомъ спорѣ Іосифъ высказалъ всю муку, наполнявшую его душу, и сталъ доказывать своему собесѣднику, что русская и православная основа уніи — для него святыня, что онъ будетъ ее защищать всегда и всѣми силами. Въ тотъ же ве-

черъ, воротившись домой, Іосифъ Сѣмашко набросалъ эти мысли на бумагѣ. Онъ изложилъ кратко исторію современнаго состоянія уни, представилъ съ поразительною ясностію, что она стоитъ на послѣдней ступени, за которой открывается гибель полутора милліона русскаго народа, указывалъ средства спасти этотъ народъ и умолялъ правительство прійти на помощь къ этому спасенію.

Не имѣется уже, писалъ тогда между прочимъ Іосифъ Сѣмашко, почти никакой преграды къ совершенному совращенію униатовъ римскому обряду... Римскій обрядъ въ западныхъ губерніяхъ возникъ и распространился на развалинахъ грекороссійскаго и униатскаго, — да и откуда столько римскихъ епархій въ коренныхъ русскихъ областяхъ? Это русская кровь въ сердцахъ, нынѣ Россіи матери своей — враждебныхъ! Сія страсть къ прозелитизму въ римскомъ духовенствѣ еще не охладѣла, — никакіе законы не могутъ положить существенной преграды дѣйствіямъ ея.

... Я увѣренъ, что мало отыщется въ римскомъ обрядѣ крестьянъ русскаго происхожденія, которые бы не присоединились къ оному уже во время Россійскаго правленія, можетъ быть довольно одного благоприятнаго случая, и полутора милліона русскихъ по крови и языку своему отчуждены будутъ навсегда отъ старшихъ своихъ братьевъ. Безъ сомнѣнія, всякое благонамѣренное правительство долгомъ поставяетъ стараться: насадить въ сердцахъ подданныхъ своихъ единодушіе къ общимъ пользамъ, любовь къ общему отечеству. Я не намѣренъ внигать въ способы, могущіе дѣйствовать на умы римлянъ — это машина многосложнае и крѣпче, оною не легко управлять. Но униате... стоитъ ихъ только уда-

лить нѣсколько отъ римлянъ, стоить дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства, 1.500 уніятскихъ приходоу занимающаго... и народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ“.

„О, да поспѣшить благосклонное начальство приведеніемъ въ дѣйствіе, единственно къ сему истинно благоразумной Высочайшею волею указанной мѣры — учрежденіемъ училищъ для уніятскаго духовенства. Я столько уже видѣлъ распоряженій правительства по части католическаго исповѣданія, не достигшихъ преднамѣренной цѣли, что невольно опасаюсь, дабы и сіе не осталось втунѣ по проискамъ интереса, ревностію къ вѣрѣ прикрываемаго, и недосмотру мѣстныхъ властей“.

„Изложивъ по возможности свои мысли, заключаетъ каноникъ Іосифъ, долгомъ поставлю просить извиненія у благосклоннаго начальства за смѣлость, можетъ быть слишкомъ далеко простертую. Да простится сіе тому усердію и ревности, съ каковыми я желалъ бы видѣть полтора милліона истинно русскаго народа, ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и не враждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ, — видѣть сей народъ усерднымъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ пользамъ своего отечества, къ службѣ общаго отца — государя!“

Просимъ замѣтить, что это было писано въ 1827 г. Это — основа первой записки митрополита Іосифа, поданной правительству, — записки, о которой мы уже не разъ упоминали въ нашихъ сочиненіяхъ ⁽¹⁾ и которую въ скоромъ времени напечатаетъ въ цѣлости, чтобы всѣ могли оцѣнить высказанныя въ ней побужденія къ соединенію уніатовъ и сличить съ тѣми мнѣніями, кото-

⁽¹⁾ Въ газетѣ *День*, въ нашихъ лекціяхъ по исторіи западной Россіи.

рыя распространили объ этомъ поляки и западно-европейскіе публицисты.

Исторія этой записки намъ извѣстна изъ разказа самого покойнаго митрополита Іосифа. Не можемъ при этомъ умолчать о той обстановкѣ, при которой происходилъ этотъ разказъ и которая навсегда у насъ останется въ памяти. Это было въ маѣ 1862 г. среди разгара приготовления поляковъ къ мятежу. Я былъ тогда въ Вильнѣ и поѣхалъ однажды къ покойному митрополиту въ его загородный домъ — Тернополь — одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ окрестностяхъ Вильны. Митрополитъ повелъ меня въ свой прекрасный садъ, весь почти насаженный его руками, и, сѣвъ на одну изъ скамеекъ, на мою просьбу объяснить происхождение этой записки, сталъ разказывать вышеизложенное. Я дорожилъ каждой минутой этой бесѣды. Тутъ было дорого каждое слово, каждое движеніе этого необыкновеннаго человѣка, разказывавшаго о важнѣйшей минутѣ своей жизни, — минутѣ, въ которую, можно сказать, рѣшалась будущая судьба всей западной Россіи. Когда я глядѣлъ на его лице, въ которомъ, вмѣстѣ съ необычайною силою души, выражалось уже тогда и страданіе тѣла, когда я вслушивался въ его спокойную, но проникающую душу рѣчь, мнѣ казалось, что я вижу передъ собою и слышу западную Русь всѣхъ вѣковъ со всѣми ея страданіями и надеждами. Я тогда жалѣлъ, что со мною не присутствуютъ при этой бесѣдѣ всѣ западноруссы, призванные этимъ великимъ человѣкомъ къ полной русской жизни, я даже жалѣлъ, что не присутствуютъ при этомъ наши западнорусскіе враги, превратно истолковывающіе дѣло воссоединенія, но... вотъ, явились враги, впрочемъ, невѣдущіе, что тво-

рять, — раздался дикій ревъ толпы латинскихъ модельщиковъ, обходившихъ близъ лежавшій каплицы и по наущенію вождей, пѣвшіе здѣсь нарочно самымъ неистовымъ образомъ, чтобы возмутить спокойствіе митрополита. Бесѣда наша прекратилась. Я тогда невольно подумалъ, что нечестіе научившихъ народъ оскорблять посредствомъ вѣры лучшаго друга Западно-русскаго народа, раскрылось тогда передо мною, какъ бы нарочно, чтобы своимъ контрастомъ яснѣе освѣтить чистоту первой мысли о возсоединеніи уніатовъ.

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Молодой членъ уніатской коллегіи, безъ сильной, способной поддержать его въ западной Россіи партіи, безъ всякихъ связей въ русскомъ мѣрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными поборниками латинства и Польши, рѣшился спасти уніатскій народъ отъ исторической гибели и раскрылъ передъ русскимъ правительствомъ тѣ пути, которыми можно было бы избавить этотъ народъ отъ приготовленной ему гибели и привести къ единенію съ русскою церковію и съ русскимъ народомъ. Приведенное нами заключеніе первой записки Юсифа объ уніи показываетъ, какъ пламенно желалъ онъ, чтобы все это случилось, и къ къ; слѣдовательно, самъ онъ готовъ былъ служить этому дѣлу всѣми своими силами, но изъ того же заключенія записки можно видѣть, какъ глубоко сознавалъ онъ трудности этого дѣла, какъ боялся, что правительство не рѣшится вести уніатовъ по этому пути до конца—до полного единенія съ Россіей, поэтому признавалъ великимъ благомъ для уніатовъ даже одно *приближеніе* ихъ къ Россіи, даже одно *не враждебное* положеніе по отношенію къ ней. Дѣйствительно, когда онъ написалъ свою записку и отдалъ Карташев-

скому, который долженъ былъ передать се, для представления Государю, тогдашнему главно-управляющему иностранными исповѣданіями, министру народнаго просвѣщенія адмиралу Шишкову, то душа его полна была великихъ опасеній за успѣхъ дѣла и даже за свою судьбу. Передъ нимъ, безъ сомнѣнія, носились тогда печальныя тѣни Лисовскаго, Красовскаго и многихъ другихъ подвижниковъ за русскую западную землю, сошедшихъ въ могилу безъ успѣха дѣла, которому служили, безъ отрады, среди злорадства ликоующихъ враговъ Россіи. Вотъ, что писалъ Государю министръ Шишковъ 14-го ноября 1827 г. въ своемъ докладѣ о запискѣ Іосифа Сѣмашки, которую тогда же представлялъ (1): написавшій оную (записку) хотя и членъ университетскаго департамента коллегіи, но повидимому истинный сынъ церкви и отечества, просить меня, въ случаѣ какаго либо могущаго распространиться свѣдѣнія о сей бумагѣ, защитить его отъ гоненій, которымъ онъ непременно подвергнется, ибо таковъ нынѣ духъ времени, что благонамѣренность и прямое усердіе къ пользамъ церкви, царя и отечества должны опасаться всякихъ противъ себя возстаній и ухищреній. Опасенія Іосифа сначала оказывались, какъ будто, совершенно напрасными. Покойный Государь понялъ всю важность записки Іосифа Сѣмашки. Мало того, записка Сѣмашки по той дивной случайности, благодаря которой совершаются такъ часто великія дѣла въ мірѣ вообще, а особенно въ нашемъ русскомъ мірѣ,—записка Іосифа Сѣмашки отвѣчала давнимъ мыслямъ покойнаго Государя. По словамъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, им-

(1) По болѣзни Шишкова докладъ и записку представлялъ Государю покойный графъ Блудовъ.

ператоръ Николай I глубоко чувствовалъ ту великую историческую неправду, выпавшую на долю западной Россіи, что горсть пришлецовъ, враждебныхъ или ненадежныхъ гражданъ Россіи, т. е. польскіе паны и ксендзы, угнетаетъ русскій народъ и болѣе и болѣе удаляетъ его отъ Россіи, и съ первыхъ дней своего правленія обдумывалъ мѣры исправить эту неправду, при чемъ вниманіе его прежде всего останавливали на себѣ несчастные уніаты, задавленные латинско-польскими силами. Этотъ разсказъ графа Блудова подтверждается указомъ правительствующему сенату отъ 9-го октября тоже 1827 г., въ которомъ уніатской коллегіи предписано было:

- 1) Наблюдать, чтобы уніаты не были обращаемы въ латинство.
- 2) Не допускать въ уніатское монашество латинянъ и отъ поступающихъ въ оное требовать достаточнаго знанія славянскаго языка и чина греческаго богослуженія.
- 3) Учредить, гдѣ нужно, училища для наставленія греко-уніатскаго юношества духовнаго званія.

На этотъ указъ, какъ на великую мѣру, указываетъ Іосифъ въ своей запискѣ; указъ этотъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовалъ и тому, что Іосифъ рѣшился выступить на защиту уніатовъ; но дѣйствительныя намѣренія покойнаго Государя ему совершенно были неизвѣстны, и въ этой неизвѣстности ему пришлось пробыть еще не малое время послѣ представленія своей записки и пережить еще много тяжелыхъ дней.

Прочитавъ записку Іосифа Сѣмашки, покойный Государь рѣшился немедленно дать ходъ изложеннымъ въ ней мѣрамъ къ спасенію уніи отъ поглощенія латинствомъ и предложилъ одному высокопоставленному ли-

цу вести это дѣло. Но тутъ-то оказалось, что опасенія Іосифа были не напрасны. Сила партіи Чарторыйскаго была тогда очень велика; она пустила глубокіе корни въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ; она проникла даже въ убѣжденія такихъ русскихъ, которые были поборниками русской національной силы. Вышеупомянутое высокопоставленное лицо, отличавшееся даже страстнымъ патріотизмомъ и притомъ увѣренное въ искренности Іосифа Сѣмашки, отказалось отъ предложенія Государя. Его смутила трудность дѣла и, безъ сомнѣнія, тѣ интриги, которыхъ оно должно было ожидать отъ поляковъ. Отказъ этотъ однако не измѣнилъ рѣшимости покойнаго Государя и вниманіе его остановилось на тогдашнемъ товарищѣ Шишкова, покойномъ графѣ Блудовѣ, который имѣлъ тѣ же мысли, что и покойный Государь касательно западной Россіи и которому даже принадлежала главная мысль вышеприведеннаго указа 9-го октября 1827 г.

Невозможно было сдѣлать болѣе счастливаго выбора. Малороссъ, съ неволью искаженною польскимъ образованіемъ рѣчью, жаждавшій быть русскимъ, невольный уніять, жаждавшій быть православнымъ, представитель страданій и надеждъ забитаго поляками и забитаго тогда русскими западно-русскаго народа, введенъ былъ въ кружокъ Карамзина, — въ тотъ кружокъ, въ которомъ страданія и надежды всего русскаго народа были дѣломъ не одного ума, но и сердца, въ которомъ одномъ тогда было истинное пониманіе польскаго и западно-русскаго вопроса. Само собою разумѣется, покойный графъ Блудовъ принялъ предложеніе Государя и томившейся безвѣстностію о судьбѣ своей завѣтной мысли Іосифъ Сѣмашко вполнѣ былъ вознагражденъ за свои

страданія. Онъ вступилъ въ домъ покойнаго графа Блудова, какъ въ родной, и нашелъ въ немъ не только сочувствіе лучшихъ людей русскихъ того времени, но и семейное вниманіе, не оставлявшее его до послѣднихъ дней его. Съ этимъ то истинно русскимъ и просвѣщеннымъ государственнымъ челоѣкомъ работалъ Іосифъ Сьмашко для блага западно-русскаго народа до 1836 г. и сохранилъ съ нимъ до конца его жизни самыя дружескія отношенія.

Основные мысли плана Іосифа спасти униатовъ отъ гибели, — мысли, изложенныя въ первой его запискѣ, заключались въ слѣдующемъ:

Онъ находилъ необходимымъ: 1) отдѣлить униатовъ, какъ можно больше, отъ латинянъ;

2) сломать главную латино-польскую силу въ униатской церкви — Базиліанскій орденъ и

3) дать русское воспитаніе униатскому юношеству и отъ него ожидать, что русскія и православныя силы въ униатахъ воскреснутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и сами пойдутъ къ воссоединенію съ русскою церковію и русскимъ народомъ. Эти то пѣли легли въ основу всѣхъ дѣйствій покойнаго графа Блудова и Іосифа Сьмашки по униатскому вопросу. Для достиженія ихъ изданъ былъ прежде всего знаменитый указъ 22-го апрѣля 1828 г., поразившій весь униатскій, латино-польскій міръ и сильно встревожившій папу, — указъ, которымъ предписывалось:

1) Образовать для управленія униатами особую униатскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ униатскаго митрополита, изъ одного епископа, одного архимандрита по назначенію отъ правительства и четырехъ про-

тоіереевъ по избранію епархіальныхъ архіереевъ и консисторій.

2) Образовать двѣ уніятскія епархіи: Полоцкую архіепископію и Литовскую епископію, и при нихъ консисторіи, составивъ ихъ изъ шести старшихъ и двѣнадцати младшихъ протоіереевъ.

3) Всѣ базилианскіе монастыри подчинить мѣстнымъ архіереямъ и консисторіямъ.

4) Въ каждой епархіи учредить семинарію и низшія училища, а въ Полоцкѣ, кромѣ семинаріи, и духовную академію.

Средства на содержаніе училищъ, особенно низшихъ, предположено въ этомъ указѣ взять изъ фондушей достаточныхъ базилианскихъ монастырей, касательно чего коллегія должна была дать мнѣніе. Она въ томъ же году дала его въ томъ смыслѣ, что изъ 86 базилианскихъ монастырей должно было остаться только 24.

Дѣйствіе этого указа и вытекавшаго изъ него повелѣнія объ ограниченіи числа уніятскихъ монастырей было, какъ мы уже замѣтили, необыкновенно широко и сильно.

Бѣлое уніятское духовенство ожило духомъ. Лучшие уніятскіе священники того времени стали за одно съ Іосифомъ и начали дѣйствовать въ его направленіи, — принялись отдѣлять унію отъ латинства, очищать ея обряды, думать объ устройствѣ иконостасовъ. Лучшие товарищи Іосифа Сѣмашки и вообще бывшіе воспитанники главной семинаріи стояли впереди въ этомъ отношеніи. Больше всего оживились члены Брестской капитулы, подававшіе въ 1819 г. правительству, какъ мы уже замѣчали, протестъ противъ подавленія уніи латинянами,

въ особенности базилианами. Въ кругу ихъ, съ свойственною Бѣлоруссамъ живою воспримчивостію ко всякимъ переменамъ—и хорошимъ и дурнымъ—стали даже развиваться такіе планы, которые въ послѣдствіи ихъ самихъ поражали своею дикостію. Такъ одинъ изъ добродушнѣйшихъ представителей бѣлаго духовенства, до послѣднихъ дней своихъ усердно помогавшій Іосифу въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ,—брестскій каноникъ, а потомъ officialъ Тупальскій пришелъ къ мысли, что теперь настало время быть архіереями бѣлымъ священникамъ, что архіереемъ можетъ быть и онъ (жену свою онъ уже убѣждалъ идти въ монастырь), а также извѣстный уніатскій ученый, профессоръ Виленскаго университета Бобровскій. Съ свойственнымъ ему простосердечіемъ, Тупальскій думалъ, что профессоръ Виленскаго же университета И. Онацевичъ, какъ уніатъ и братъ тоже брестскаго каноника М. Онаевича, будетъ содѣйствовать осуществленію этого плана, — убѣдить Бобровскаго принять архіерейство, и, посредствомъ своихъ петербургскихъ связей, поможетъ въ этомъ дѣлѣ и Бобровскому и ему—Тупальскому. Къ этому плану приглашенъ былъ присоединиться еще одинъ каноникъ брестской капитулы Сосновскій, главный редакторъ вышеупомянутаго протеста, имѣвшій по этому поводу близкія сношенія съ профессорами Виленскаго университета. Тупальскій въ скоромъ времени понялъ странность своего плана и извѣстилъ своихъ друзей, что перестаетъ думать объ архіерействѣ; не добивались также архіерейства ни Бобровскій, ни Сосновскій; но планъ Тупальскаго сдѣлался извѣстенъ правительству и совпалъ съ такими обстоятельствами, которые чуть было не погубили всего дѣла воссоединенія уніатовъ.

Само собою разумѣется, что для монаховъ базилианскаго ордена указъ 22 апрѣля 1828 г. былъ громовымъ ударомъ. Они, подобно орденамъ латинскимъ, составляли въ униі независимое учрежденіе. Лисовскій, ни при Екатеринѣ, ни послѣ, не могъ добиться дѣйствительнаго подчиненія ихъ епархіальной власти. По образу мыслей базилиане держались крайне латинскаго и польскаго направленія, — даже состояли въ значительномъ числѣ изъ поляковъ — латинянь, были между ними и іезуиты. Они владѣли главнѣйшими матеріальными средствами униятской церкви, выдвигали своихъ лицъ на высшія іерархическія мѣста и владѣли умами большинства молодого униятскаго поколѣнія, духовнаго и свѣтскаго, посредствомъ училищъ, бывшихъ при главнѣйшихъ ихъ монастыряхъ. Всѣмъ этимъ они пользовались съ самыми враждебными цѣлями для Россіи и для самой униі. Они подавляли бѣлое духовенство, оставляли въ пренебреженіи религиозное образованіе народа, искажали до невѣроятности восточные обряды, славянскій языкъ; духовныя дѣти ихъ выходили изъ ихъ рукъ самыми рьяными латинянами и поляками. Указъ 22 апрѣля, отнимавшій у нихъ и независимость, и воспитательное вліяніе на умы, и матеріальныя средства, лишалъ ихъ возможности дѣлать это зло. Сила правды этого указа была такъ велика, что базилиане не рѣшились выступить на защиту себя прямо и честно. Они пошли непрямыми и нечестными средствами. Едва въ коллегіи стали обсуждать мѣры къ приведенію въ исполненіе указа 22 апрѣля касательно базилианъ, какъ въ Варшаву, къ Константину Павловичу, послано было на французскомъ языкѣ письмо, заключавшее въ себѣ весьма искусную защиту базилианскаго ордена и злостное охуж-

деніе дѣйствій бѣлаго уніятскаго духовенства. „Г. Блудовъ, говорится между прочимъ въ этомъ письмѣ, призывалъ къ себѣ однажды Булгака, председателя втораго департамента духовной (римско-католической) коллегіи, и отъ имени Государя объявилъ ему, что базилиане—люди невѣжественные, что они не исполняютъ правилъ своего ордена, что они притомъ крайніе занатики и проч. что ихъ необходимо немедленно уничтожить, если не во всемъ составѣ, то по крайней мѣрѣ на большую половину... Такъ какъ требованіе г. Блудова не допускало отсрочки, то Булгакъ, чтобы хотя нѣсколько исполнить его, предложилъ эту мѣру на обсужденіе коллегіи; но онъ нашелъ въ своихъ товарищахъ, ассессорахъ коллегіи, совершенно неожиданно предрасположеніе къ принятію этой мѣры. Очевидное дѣло, что одинъ Булгакъ (уніятскій митрополитъ) не можетъ бороться противъ ассессоровъ коллегіи, явно предрасположенныхъ къ принятію этой мѣры... Такъ какъ всѣ (?) ассессоры коллегіи суть женатые священники, сильно нерасположенные къ базилианамъ, то можно себѣ представить, какъ будутъ разбиты и ограблены эти почтенные монахи... Нѣтъ сомнѣнія, что съ уничтоженіемъ базилианъ уничтожится и уніа, потому что женатые священники, не зная латинской литературы, никогда не будутъ имѣть ни ученыхъ познаній, ни добродѣтелей, свойственныхъ ихъ званію. Базилиане всегда были для уніи тоже, что ученики св. Игнатія (иезуиты) для усовершенія латинянъ. Вотъ, почему необходимо думать, что одна только справедливая милость можетъ предотвратить эту мѣру отъ областей, отнятыхъ у Польшн... Чтобы достигнуть этого, я вижу другого средства, какъ обратиться къ благосклонному вашему заступничеству. Я

вступаю на этотъ путь тѣмъ съ болѣею вѣрою, что сенаторъ Новосильцевъ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи, отдавалъ базилианамъ полную справедливость, онъ утверждалъ, что нашелъ только ихъ школы хорошими, образцовыми, достойными похвалы и покровительства. Боже великій! Кто исполнить мысли защитителей (основавшихъ монастыри)! И какое время выбрано для уничтоженія этаго ордена? Какъ эта мѣра можетъ вложиться къ успокоенію умовъ!¹⁴

Письмо это изъ Варшавы переслано было покойному Государю. Графъ Д. Н. Блудовъ рассказывалъ намъ, что письмо это произвело сильное впечатлѣніе на покойнаго Государя, и Государь уже думалъ бросить все дѣло воссоединенія униатовъ, но спасло это дѣло излишнее усиліе Автора письма защитить базилианъ, — именно, спасла дѣло воссоединенія — фраза, что базилиане — тоже для уни, что іезуиты для латинства. Потому-то я и уничтожу базилианъ, что они — тоже, что іезуиты», сказалъ покойный государь графу Блудову, и передавалъ ему это письмо.

Почти одновременно съ этою попыткою защитить старое зло уни, выступилъ на защиту его и папа. Папское правительство завело (въ концѣ 1828 и въ началѣ 1829 г.) съ нашимъ правительствомъ цѣлую переписку по поводу предпринятыхъ преобразованій въ уни: — Папа возставалъ противъ этихъ преобразованій, какъ противъ нарушеній существующаго порядка, какъ противъ мѣръ, предпринятыхъ безъ его согласія, вопреки опредѣленіямъ Замойскаго собора, по просямъ, будтобы, немногихъ бѣлыхъ священниковъ, увлеченныхъ честолюбіемъ и алчностью завладѣть имѣніями

монаховъ базилианъ, которые, по мнѣнію папы, одни могутъ содѣйствовать благу греко-уніятской церкви, распространяя просвѣщеніе между принадлежащими къ оной. Сильное желаніе спасти злое дѣло, осужденное на неизбѣжную гибель, побудило и папу, подобно автору вышеприведеннаго письма, прибѣгнуть къ такому доказательству, которое должно было непременно испортить защищаемое дѣло и открыть лицемѣріе нѣжныхъ чувствъ папы къ уніатамъ. Онъ высказался, что „*съ учрежденіемъ особой уніятской коллегии римско-католическое духовенство, всегда пользовавшееся особеннымъ въ Россіи покровительствомъ, лишается тѣхъ небольшихъ преимуществъ, кои отличали его отъ духовенства греко-уніятскаго*“. Едва ли можно сомнѣваться, что эти слова заставилъ сказать папское правительство Полякъ, возмущившійся тѣмъ, что уніятскіе духовные, представители русскихъ хлоповъ, бывшіе до сихъ поръ, какъ и эти хлопы, въ зависимости отъ латинянъ—т. е. отъ римской коллегии, теперь поставлены не только въ независимость отъ нихъ, но даже рядомъ съ ними,—имѣютъ свою коллегію рядомъ съ римскою коллегіей. Не-возможно было лучше выразить дѣйствительно рабскаго положенія уніи въ отношеніи къ латинству и едва ли можно сомнѣваться, что если бы эта папская нота тогда же была обнародована въ Россіи, то тысячи уніятъ въдругъ бы прозрѣли и пошли бы за Іосифомъ Сѣмашкой къ соединенію съ православной церковію.

Отвѣтъ на папскія ноты былъ написанъ Іосифомъ Сѣмашкой. „Мы не знаемъ, говорится въ этомъ отвѣтѣ, почему министерство папы полагаетъ, что наше правительство всегда оказывало особенное покровительство

римско-католическому исповѣданію и что духовенство онаго должно пользоваться какими-либо преимуществами предъ греко-уніятскимъ? Извѣстно, что преимущества, отличавшія римско-католическое духовенство въ бывшей польской республикѣ, обѣщаны (были) уніятамъ, когда ихъ склоняли къ акту соединенія 1595; извѣстно также, что обѣщаніе не было исполнено. Здѣсь не мѣсто разсуждать о причинахъ и послѣдствіяхъ сего нарушенія даннаго слова. Положимъ, что подъ владычествомъ Польши римско-католическое исповѣданіе, какъ господствовавшее, могло имѣть право на особенныя привилегіи; но въ Россіи господствующая вѣра есть православная, греческая, и подъ державою нашихъ августѣйшихъ монарховъ не только христіане всѣхъ исповѣданій, но и чтители Магомета и поклонники идоловъ свободно совершаютъ свое богослуженіе и пользуются всѣми гражданскими правами наравнѣ съ сынами нашей церкви“.

Изъ этихъ то началъ вѣротерпимости въ отвѣтъ выводится естественность тѣхъ мѣръ, какія русское правительство приняло по отношенію къ уніятамъ, разбиваются одно за другимъ притязанія папы удержать прежніе порядки уніи и, для доказательства крайней необходимости принятыхъ мѣръ, излагается исторія подавленія латинствомъ уніятской церкви. Нѣкоторыя мѣста этой исторіи представляютъ поразительную картину латино-польскихъ неправдъ по отношенію къ уніи, и мы считаемъ неизлишнимъ представить читателямъ хотя часть этой картины.

Сказавъ о томъ, что унія западно-русской церкви съ римской по правиламъ флорентійскаго собора и по брестскому акту 1596 г. должна была выражаться толь-

ко въ духовномъ единеніи уніятской церкви съ латинствомъ, а не въ измѣненіи вѣроученія и обрядовъ восточной церкви, авторъ отвѣта продолжаетъ: „но сіи мысль вскорѣ была потеряна изъ вида, по крайней мѣрѣ правительствомъ польскимъ и другими ближайшими исполнителями предначертаній папскаго кабинета. Они хотѣли не только единства, а однообразія, совершеннаго уничтоженія обрядовъ греческихъ. Въ числѣ ихъ самыми ревностными, если не въ началѣ, то въ послѣдствіи оказались монахи ордена св. Василія великаго, коимъ разными постановленіями римскаго правительства дарованы всѣ преимущества римско-католич. духовенства и, между прочимъ, буллою 7 іюля 1627 г. право раздавать индульгенціи. Дѣятельность ихъ ордена сдѣлалась особенно примѣтною съ 1613 г., когда іезуиты получили дозволеніе вступать въ русскіе монастыри, унію принявшіе, не требуя на то особаго распоряженія. Вскорѣ сіи монастыри составили, по примѣру римско-католическихъ орденовъ, союзъ подъ новымъ наименованіемъ конгрегациі св. Троицы и установили неизвѣстное въ восточной церкви званіе прото-архимандрита или генерала сей конгрегациі“.

„По проискамъ іезуитовъ и другихъ монаховъ латинскаго обряда вскорѣ все знатнѣйшее уніятское исповѣданія дворянство перешло въ римскій обрядъ и потомъ способствовало по возможности къ переходу въ оный и другихъ классовъ народа. Всѣ епископскія кафедръ отдавались принадлежащимъ къ римско-католической церкви или латинствующимъ уніятамъ и монастырство уніятское до такой степени наполнилось римскими католиками, что, по послѣднимъ собраніямъ извѣстіямъ, изъ монастырей, Литовскую и Бѣлорусскую

провинцію составляющихъ (числомъ около 60), едва шесть или семь, и то самые скуднѣйшіе, имѣютъ настоятелями истинныхъ природныхъ уніатовъ. Сіе, такъ сказать, преобладаніе римско-католиковъ совершенно измѣнило Базилианскій орденъ, не оставивъ ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ образованіи онаго никакихъ сходствъ съ монашествомъ восточной церкви кромѣ лишь нѣкоторыхъ обрядовъ, до половины уже смѣшанныхъ съ римскими, и употребленія въ богослуженіи языка славянскаго, часто искажаемаго монахами, даже для многихъ изъ нихъ не понятнаго. Съ помощію помѣщиковъ римско-католиковъ, епископовъ и монаховъ лжеуніатовъ, латинское духовенство и особенно іезуиты дозволяли себѣ все и самыя ужасныя притѣсненія. Греко-уніатское духовенство (т. е. бѣлое), какъ чуждое поверглось гоненію. Орденъ Базилианскій, чтобы присвоить себѣ богатые фондуши приходскихъ церквей, обратилъ ихъ въ монастыри; священнослужители изъ бѣлаго духовенства лишились способовъ къ приличному содержанію, — ихъ дѣти — средствъ воспитанія; имъ преграждены всѣ пути къ мѣстамъ епархіальнаго управленія, ибо епископы уніатскіе всегда избирались изъ монаховъ и все управление уніи находилось въ рукахъ римскихъ католиковъ. Объ угнетеніи, въ коемъ находилось тогда уніатское исповѣданіе, можетъ свидѣтельствовать одна изъ буллъ папы Венедикта XIV (14-го августа 1753 г.), подвигнутаго состраданіемъ къ уніатскому клиру. Но въ то время не вся мѣра еще пораженія его исполнилась; вскорѣ за симъ въ 1764 г. наслѣдники фондаторовъ церквей русскихъ исходатайствовали конституцію, позволяющую имъ укрѣплять за собою священническихъ дѣтей, кои до 15-лѣтняго возраста

ста не поступать въ духовное званіе или не запишутся въ цехи по городамъ, а выше показано, что, не имѣя способовъ для нравственнаго образованія, большая часть оныхъ и не могли вступить въ духовное званіе и что даже достойнымъ часто въ семъ препятствовали епископы.

Такимъ образомъ, Іосифъ Сѣмашко — этотъ великій умъ — въ возраженіяхъ папы противъ преобразованій уніятской церкви нашель случай вновь освѣтить передъ правительствомъ невѣдомую для него тогда бездну неправдъ и страданій, испытываемыхъ въ западной Россіи русскою массою населенія. Благодаря русской нравственной силѣ покойнаго графа Блудова, умѣвшаго цѣнить эти открытія и не смущаться латино-польскими интригами, Іосифъ могъ не напрасно хосвѣщать передъ правительствомъ зло западной Россіи.

4-го августа 1829 г. Іосифъ былъ уже викарнымъ Бѣлорусскаго епископа, оставаясь членомъ коллегіи, и передъ самую польскую смуту ѣздилъ въ западную Россію осуществлять главнѣйшую свою мысль — дать средства къ новому русскому воспитанію бѣлаго уніятскаго духовенства и народа, — онъ ѣздилъ устроить Жировицкую семинарію и консисторію. Польская смута была для него самымъ малымъ по времени перерывомъ дѣйствій по возсоединенію уніатовъ. 1832 г. онъ опять былъ въ западной Россіи, устроая опять свою любимую Жировицкую семинарію, — собиралъ священниковъ, училъ ихъ обрядамъ восточной церкви и убѣждалъ идти за нимъ по пути преобразованій. Письма Іосифа къ графу Блудову показываютъ, какъ увидимъ ниже, что онъ глубоко вѣрилъ въ силу нравственнаго вліянія на уніятское духовенство и что это нрав-

ственное вліяніе было для него главнѣйшею опорою его дѣйствій.

Базиліане были въ это время въ безнадежномъ положеніи. Неудача ловкаго письма къ Константину Павловичу, неудача папскихъ нотъ, поразительные успѣхи Іосифа заставили ихъ рѣшиться на такую мѣру, которую они во всякое другое время сочли бы истиннымъ безуміемъ. Въ 1832 г. послѣдній базиліанскій провинціалъ Жарскій выпросилъ себѣ у правительства дозволеніе объѣздить оставшіеся монастыри и, собирая въ нѣсколькихъ мѣстахъ монаховъ на совѣщаніе, предложилъ имъ подать правительству просьбу, чтобы оно избавило ихъ отъ власти бѣлаго духовенства и подчинило святѣйшему Синоду, образовавъ для этого при Синодѣ особую базиліанскую коллегію. Прошеніе было составлено и Жарскій уполномоченъ представить его правительству и просить его отдать Базиліанскій орденъ подъ покровительство св. Синода на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Чтобы унія или соединеніе ихъ съ римскою церковію и уставы ордена не были ни въ чемъ измѣнены.
- 2) Чтобы изъ однихъ базиліанъ было учреждено правленіе ордена, которое, въ отношеніи представленій, донесеній, расчетовъ и доходовъ съ имѣній монастырскихъ и объ употребленіи оныхъ, будетъ относиться въ св. Синодъ.
- 3) Чтобы правленію ордена предоставлено было все, что ему прежде принадлежало.
- 4) Чтобы нынѣшняя ихъ одежда и образъ жизни были сохранены.
- 5) Чтобы высочайшею властію были навсегда утверждены всѣ оставшіеся у нихъ фондуши.

„Предполагаемое нынѣ Жарскимъ, пишетъ графъ Блудовъ въ своемъ докладѣ объ этомъ проектѣ, подчиненіе ордена покровительству св. Синода на скромномъ, какъ онъ и единомысленные его собратія называютъ, условіи: не измѣнять ни въ чемъ униі или соединенія съ римскою церковію, равно и уставовъ ордена, утвердить всѣ фундуши, — достаточно показываетъ истинную цѣль сихъ предположеній. Жарскій можетъ быть и искренно желать бы подчиненія св. Синоду, но желаетъ всего больше поддержать, какими бы то ни было средствами, клонящійся къ упадку ордень базилиановъ и свою прежнюю въ немъ значительность, а тѣ, изъ коихъ оный составленъ, люди вышедшіе большею частию изъ латинскаго обряда и внесшіе въ ордень всѣ предрасудки и предубѣжденія западной церкви противъ православной, ея уставовъ и обрядовъ, съ своей стороны желаютъ и требуютъ новаго утвержденія униі и всѣхъ прежнихъ связей съ католицизмомъ. Порученіе ордена покровительству св. Синода на такихъ условіяхъ, какъ домогаются сіи члены ордена и представитель ихъ арх. Жарскій, и невозможно по правиламъ нашей церкви и, какъ я смѣю думать, не только не будетъ полезно, но напротивъ отдалитъ благодѣтельную эпоху возвращенія отпадшихъ чадъ православія въ лоно онаго и даже упрочитъ существованіе униі“.

Этотъ странный проектъ, возбудившій противъ Жарскаго много ненависти между самими базилианами, былъ послѣднею попыткою поколебать твердость правительства въ униятскомъ дѣлѣ. Твердость эта отбивала охоту предпринимать что либо подобное. Это одно уже было великимъ успѣхомъ для всѣхъ, желавшихъ рбага униатамъ. Самъ Булгакъ сталъ склоняться на сторону

Съмашки и одобрялъ предпринимаемыя имъ мѣры по многочисленнымъ, частнымъ вопросамъ, при разрѣшеніи которыхъ Іосифъ снималъ одиѣ за другими оковы латинства и полонизма, наложенныя на унию. Въ это время, т. е. въ 1833 г., Іосифъ былъ уже самостоятельнымъ епископомъ — литовскимъ и имѣлъ уже двухъ ревностныхъ сотрудниковъ: Оршанскаго епископа Василя и своего викарнаго — епископа Антонія. При содѣйствіи этихъ новыхъ силъ, въ началѣ 1834 г., униятская коллегія приняла такую мѣру, которая должна была рѣшительно измѣнить положеніе униятской церкви. 4-го февраля этого года въ грекоуниятскую коллегію собрались всѣ униятскіе епископы, и составили слѣдующее соборное опредѣленіе объ устройствѣ униятскихъ церквей и богослуженія.

„Съ самаго начала унии, и по недостатку единства въ церковномъ управленіи, и по вліянію чуждыхъ правилъ, существовала разность между богослужебными книгами, въ греко-униятскихъ церквахъ употреблявшимися. Уже Замойскій помѣстный синодъ обращалъ на сіе вниманіе, предписывалъ о соблюденіи единообразія въ обрядахъ богослуженія и опредѣлилъ издать однообразныя для всѣхъ церквей служебники и другія церковныя книги. Между тѣмъ опредѣленіе такое неисполнено и неприличное разногласіе въ богослуженіи, часъ отъ часу распространялось. Нынѣ по униятскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества изданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ онѣ позднѣе. Самый важный недостатокъ сихъ книгъ — есть особенная небрежность въ отношеніи богослуженія; типики по большей части пропущены, а тѣ, которые остались, были измѣняемы постепенно по произволу

издателей. После сего неудивительно, что греко-униатское духовенство, лишенное надлежащаго руководства въ богослуженіи, допустило толь важныя по этому упущенія. Величественныя и прекрасныя обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены; знаменованіе оныхъ забыто; внутреннее устройство церквей и самыхъ облаченій и церковныхъ утварей измѣнено; выведены даже изъ обыкновенія нѣкоторыя церковныя моленія; вмѣсто же того заимствованы многіе обряды и постановленія отъ источниковъ чуждыхъ греко-униатской церкви.

„Греко-униатская духовная коллегія, во вниманіи къ сему важному неустройству по ея вѣдомству, пригласивъ въ свое присутствіе всѣхъ находящихся нынѣ въ С.-Петербургѣ греко-униатскихъ епископовъ, совѣщалась о средствахъ возстановленія по греко-униатскимъ церквамъ обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточнаго церкви во всей чистотѣ оныхъ... и вслѣдствіе таковыхъ совѣщаній совмѣстно съ тѣми же епископами опредѣлила:“

Сущность этого опредѣленія заключалась въ томъ, чтобы ввести въ руководство богослуженія и другія церковныя книги Московскаго изданія, устроить въ униатскихъ церквахъ иконостасы и завести утварь восточной церкви. Опредѣленіе это подписали: Митрополитъ Иосафатъ Булгакъ, Епископы: Литовскій Іосифъ, Оршанскій Василій, Пинскій Иосафатъ (1), Брестскій Антоній. Ассессоры: Василій Маркевичъ, протоіерей Игнатій Пильховскій.

Въ современныхъ бумагахъ постановленіе это называется „одною изъ дѣйствительнѣйшихъ и наиболѣе рѣшительныхъ“.

(1) Т. е. вышеупомянутый Жарскій.

шительныхъ мѣръ для сближенія грекоуніятской церкви съ православною⁴. Мало того, можно сказать, что это была первая прямая мѣра, которая должна была вести къ этому сближенію и послѣ нея уніятамъ оставалось только совершить самый актъ присоединенія къ православною церкви.

Въ приведеніи въ исполненіе этой мѣры, собственно говоря, и прошло все время до воссоединенія уніатовъ въ 1839 г. и гдѣ она была исполнена надлежащимъ образомъ, тамъ присоединеніе уніатовъ къ православію было самымъ нечувствительнымъ переходомъ. Но приводить ее въ исполненіе было весьма не легко. Она сразу должна была измѣнить порядки всей уніятской церкви, привычки всего духовенства и всего уніятскаго народа. Чтобы измѣнить устройство церквей, — закрыть иконостасомъ алтарь, куда уніаты, по примѣру латинянь, привыкли входить всѣ, даже женщины, чтобы вынести скамьи и такимъ образомъ отмѣнить латинскую привычку молящимся сидѣть во время службы, чтобы вынести органы и лишить народъ привычнаго у него уже тогда пѣнія съ аккомпаниментомъ этого инструмента, чтобы наконецъ измѣнить самую службу и приучить совершать ее по православнымъ книгамъ, казавшимся уже тогда чужими, — для всего этого нужно было много времени, хлопотъ и борьбы съ установившимися понятіями и страстными предубѣжденіями. — Все это легко бы можно было сдѣлать тогда, когда бы въ уніятской церкви образовалась значительная и крѣпкая партія послѣдователей Іосифа; но тогда, въ 1834 г., такой партіи еще не было, — она еще только что выдѣлялась изъ общей массы уніатовъ и въ большой части еще только училась въ Жировицкой и Полоцкой семинаріяхъ. Такимъ обра-

зомъ постановленіе 8 февраля 1834 г. являлось прежде-
временно. Чтобы понять, какимъ образомъ могли пото-
ропиться съ нимъ такіе опытные руководители воссоеди-
ненія, какъ Іосифъ и графъ Блудовъ, такъ глубоко ува-
жавшіе убѣжденія людей, необходимо знать исторію этой
мѣры. Исторія эта откроетъ намъ новыя стороны дѣ-
ятельности Іосифа.

Намъ уже извѣстно, что самымъ главнымъ средствомъ
къ воссоединенію уніатовъ Іосифъ считалъ систему вос-
питанія и свое личное нравственное вліяніе. Путемъ
этого воспитанія и этого вліянія онъ надѣялся образо-
вать новыхъ людей въ уніи, — русскихъ, православныхъ
въ душѣ, которые сами пойдутъ и поведутъ за собой
народъ къ воссоединенію съ православною церковію.
Въ той самой уніатской церкви, внутренняго разложе-
нія которой никто яснѣе его не видѣлъ, великій умъ
его съумѣлъ найти силы, способныя обновиться, — имен-
но, онъ увидѣлъ ихъ въ обломѣ уніатскомъ духовен-
ствѣ и народѣ и относился къ нимъ съ глубокою вѣ-
рою и терпѣніемъ. На этомъ пути онъ былъ истин-
нымъ вождемъ народнымъ, и если бы ему дали идти
этимъ путемъ, то исторія воссоединенія уніатовъ была-
бы свѣтлѣйшею страницей западнорусской исторіи не
только въ своемъ началѣ, но и до самаго конца.

Но ясновидѣніе ума Іосифа, съумѣвшего увидѣть въ
самой уніи живыя силы, и его уваженіе къ убѣждені-
ямъ людей не многимъ тогда были доступны. Кругомъ
Іосифа и уніатовъ сложились такія обстоятельства, ко-
торыя заставили ускорить дѣло воссоединенія и поло-
жили начало многимъ затрудненіямъ.

Польская смута 1831 года естественно заставила пра-
вительство обратить самое серьезное вниманіе на лати-

нопольскую силу въ западной Россіи и противопоставить ей русскую, православную. Администрація обновлена была русскими людьми, ревниво оберегавшими русскіе государственные интересы. Значеніе православной церкви поднято было учрежденіемъ въ 1832 г. Полоцкой православной епископіи въ подкрѣпленіе къ двумъ, существовавшимъ до тѣхъ поръ — Могилевской и Минской. Уніаты, какъ занимавшіе середину между православно-русскимъ и польско-латинскимъ мірами естественно обратили на себя тщательное вниманіе и духовныхъ и свѣтскихъ властей. Всякому русскому, и духовному, и свѣтскому было очевидно, что этой середины уніаты не могутъ долго занимать между такими большими и крѣпкими массами православныхъ съ одной стороны и латинянъ съ другой, и естественно было желать, чтобы уніаты сдѣлались православными, а не латинянами, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ очевидно была опасность отъ польскаго бунта. Эти соображенія вызвали усиленную заботливость о присоединеніи уніатовъ къ православію по частямъ, что естественно повело къ противодѣйствию, которое представило уніатовъ въ глазахъ властей съ самой невыгодной стороны. Смотря съ этой точки зрѣнія, трудно уже было дѣлить уніатскій міръ на базилианскую партію, умершую для Россіи, и партію блага духовенства, способную ожить, какъ смотрѣлъ Іосифъ. Всѣ уніаты безразлично представлялись съ этой точки зрѣнія пораженными глубокою язвою полонизма и латинства. Не зная вовсе о планѣ Іосифа, — планѣ, который до 1834 г. совершенно неизвѣстенъ былъ даже православнымъ архіереямъ Могилева, Полоцка и Минска и генераль-губернаторамъ Смоленска и Вильны, духовныя и свѣтскія власти западной Россіи тѣмъ болѣе были настроены придавать значеніе своимъ

наблюденіямъ и сочли необходимымъ обратить вниманіе правительства на пагубное для Россіи состояніе униі. Въ 1832, 1833 и 1834 гг. со всѣхъ концовъ западной Россіи приходили донесенія къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ — покойному графу Блудову и къ тогдашнему оберъ-прокурору свят. Синода Нечаеву, изображавшія состояніе униі въ самомъ мрачномъ видѣ. „Греко-уніятское исповѣданіе“, писалъ витебскій губернаторъ Шредеръ, „въ отношеніи къ римско-католическому въ такомъ находится уничиженіи, что всякій шляхтичъ, желавшій участвовать въ дворянскихъ выборахъ или кому посчастливилось нажить по коммерціи капиталъ, неприличнымъ считалъ оставаться въ униі, а потому переходилъ въ католики; даже дѣти уніятскихъ священниковъ оставляли свое вѣроисповѣданіе изъ видовъ корысти, будучи родителями еще къ тому поощряемы, и уніятскіе приходы конечно бы оставлены были безъ священниковъ, ежелибы по сему вѣроисповѣданію духовенство не пользовалось правомъ бракосочетанія (правомъ вести брачную жизнь). Для сего единственно многіе изъ католическихъ ксендзовъ оставляли католицизмъ и, женившись на католичкахъ, сдѣлались уніятскими священниками, но прижитыхъ въ бракъ дѣтей зачисляють по метрикамъ и воспитываютъ по католическому обряду. Все сіе терпѣлось и допускалось, потому что мѣстное греко-уніятское духовное начальство составлено было изъ ревностнѣйшихъ католиковъ. Посему не удивительно, что греко-уніятская церковь во многихъ мѣстахъ сохранила одну только тѣнь древняго греческаго исповѣданія и установленныхъ по оному обрядовъ и что невозможно иначе ее исторгнуть изъ подъ вреднаго вліянія латинской церкви, какъ только присоединеніемъ всѣхъ приходовъ къ православію“...

„Во всѣхъ униятскихъ церквахъ“, писалъ преосвященный Полоцкій Смарагдъ, „(не упоминая о крайней нечистотѣ и безобразіи во всемъ, каковое особенно замѣчено въ Стаецкой церкви, гдѣ на святомъ престолѣ нашель (протоіерей Ремезовъ) поставленные мѣдныя подсвѣчники, имѣющіе литыхъ купидоновъ... къ соблазну и народа и самаго служащаго священника) кромѣ служебниковъ Виленской печати, называемыхъ мшалами, въ коихъ находится много нововведеній противъ служебниковъ восточной церкви и даже (противъ) Почаевской печати, и кромѣ таковыхъ же общихъ миней, а въ нѣкоторыхъ только церквахъ сверхъ того и триодей никакихъ болѣе книгъ не имѣется; по сему молебныхъ пѣній о здравіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи и царскихъ панихидъ ни въ одной униятской церкви не отправляется... Ни въ одной униятской церкви проскомидія предъ литургіей не совершается, часы не читаются и даже ни копія, ни просфоръ не употребляется, а приготавливается агнецъ и нѣсколько кое-какихъ частицъ предварительно не священникомъ, а постороннимъ лицомъ, даже женскимъ вопреки употребляемымъ у нихъ же самихъ служебникамъ“.

„Большая часть униятскихъ священниковъ или сами суть католическаго происхожденія или имѣютъ женъ (нерѣдко вдовъ) и дѣтей католическаго обряда и сами, какъ въ служеніи, такъ и въ требоисправленіяхъ, всѣчески стараются соблюдать католическіе обычаи... Они непрестанно укореняютъ въ народѣ вражду противу Россіи и господствующей греко-россійской вѣры, зловердными поученіями своими публично на польскомъ языкѣ въ церквахъ и каплицахъ своихъ проповѣдуемыми, что греко-россійская благочестивая вѣра есть

ересь, что русскіе, отбирая уніятскія церкви, колютъ и выбрасываютъ образа, а ставятъ своихъ боговъ, и тѣмъ самымъ якобы, ниспровергаютъ святыню ея похуленіемъ, — каковыя зловредныя заблужденія, дѣлающія сильное впечатлѣніе на народъ, утверждаютъ держими въ народѣ проклятіями всѣхъ тѣхъ, кои принимаютъ благочестіе“.

Факты, указываемые въ этихъ донесеніяхъ, были слишкомъ сильны для того, чтобы и на мѣстѣ и въ центрѣ (правительства не вызывать желанія поскорѣе избавить русскій народъ отъ такой пагубы, и это желаніе могло казаться тѣмъ законнѣе, что и въ Могилевской и въ Полоцкой и въ Минской епархіяхъ было немало древле-православныхъ, которые не менѣе своихъ пастырей и гражданскихъ начальниковъ желали поскорѣе вывести своихъ родичей изъ униі. Эти древле-православные, т. е. собственно говоря, обратившіеся къ православной церкви болѣею частью при Екатеринѣ II, безъ сомнѣнія, сообщили и своимъ духовнымъ пастырямъ и гражданскимъ начальникамъ, что такимъ именно простымъ способомъ уніаты и обращались въ православіе во времена Екатерины II. Извѣстно, что Екатерина вовсе не обращала вниманія на уніятскую іерархію и не заботилась привлечь ее къ православію, а старалась только избавить отъ униі народъ. Власти узнавали, гдѣ народъ желаетъ принять православіе, и посылали туда православныхъ священниковъ, а уніятскимъ священникамъ приказывали уступать церкви и церковныя дома, обезпечивая ихъ отъ нужды пожизненною пенсіей. Этотъ планъ теперь вспомнили и въ тѣхъ же донесеніяхъ представляли его вниманію правительства.

Такимъ образомъ, рядомъ съ планомъ Іосифа—вести уніатовъ къ православію длиннымъ, воспитательнымъ путемъ, опираясь на бѣлое духовенство, развился другой планъ—вести уніатовъ къ той же цѣли поспѣшно, прямо обращая уніатскій народъ въ православіе. Планъ этотъ говоритъ самъ противъ себя и, по видимому, нѣтъ надобности останавливаться на немъ; но въ немъ были нѣкоторыя стороны, которыя могли казаться весьма серьезными и неясненіе которыхъ составляло главнѣйшую причину всѣхъ затрудненій въ исторіи воссоединенія уніатовъ,—затрудненій, какъ увидимъ, перешедшихъ и въ дѣло Іосифа.

Планъ поспѣшнаго и, такъ сказать, безцеремоннаго обращенія уніатовъ въ православіе неоспоримо опирался на сочувствіе и содѣйствіе цѣлой массы древле-православныхъ западно-руссовъ; слѣдовательно, могъ казаться народнымъ, и дѣйствительно, еслибы этимъ древле-православнымъ западно-руссамъ открыты были широкіе пути самимъ распространять православіе среди своихъ родичей и своими собственными средствами, то легко можно было бы мириться съ такимъ планомъ. Но эти пути къ распространенію православія древле-православнымъ западно-руссамъ не были открыты и не могли быть доступны. Послѣдствіе польской смуты—военная диктатура уничтожила ихъ возможность и все дѣло обращенія уніатовъ въ православіе по этому плану должно было превращаться въ дѣло административное. Шероховатости этаго плана тѣмъ рѣзче бросались въ глаза, что это не было время Екатерины II, когда въ уніи было слишкомъ много совершенно русскихъ и православныхъ вождей, когда большая часть народа рвалась почти силою въ православіе. Теперь, какъ мы уже замѣчали

въ уніи были люди, освоившіеся съ нею, и находились, можно сказать, подъ двойнымъ уніятскимъ руководствомъ, потому что теперь было много духовныхъ лицъ, оставленныхъ своими паствами и размѣстившихся между остающимися уніятами. Былъ даже цѣлый подвижной составъ уніятскихъ ревнителей, — безвѣстные священники, странствовавшіе по всей области уніятскаго населенія. При этихъ обстоятельствахъ всякая правительственная мѣра къ прямому, безцеремонному обращенію народа въ православіе должна была встрѣчать многочисленныя затрудненія, которыя на каждомъ шагѣ должны были убѣждать, что теперь безъ уніятскаго духовенства нельзя обойтись, какъ во время Екатерины, что теперь дѣло возсоединенія нужно вести посредствомъ уніятскаго духовенства и вести со всею осторожностію.

Сказаннаго нами, надѣмся, достаточно, чтобы читатели совершенно ясно могли видѣть, какъ велико было ясновидѣніе ума и тонкость нравственнаго чувства Іосифа, который этотъ-то послѣдній планъ и считалъ единственно умѣстнымъ. Въ этомъ взглядѣ на вещи съ нимъ совершенно соглашался покойный графъ Блудовъ и оба они сильно возставали противъ плана вести уніятъ къ православію поспѣшнымъ образомъ. „Дѣла, касающіяся свободы совѣсти, трудны и щекотливы вообще, а въ особенности при нынѣшнемъ положеніи нашихъ западныхъ губерній“, писалъ въ одномъ докладѣ покойный графъ Блудовъ. „Излишняя поспѣшность только возбудитъ неудовольствіе, коимъ римскіе католики не преминутъ воспользоваться“, писалъ въ другой бумагѣ тотъ же графъ Блудовъ. „Въ сей (т. е. Литовской) епархіи, писалъ Іосифъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Блудову, болѣе 1,200 священни-

ковъ—ихъ всѣхъ надобно перевоспитать, обучить постановленіямъ, обучить богослуженію по обряду греко-восточной церкви, часто даже обучать чтенію и употребительнѣйшимъ молитвамъ на славянскомъ языкѣ. вмѣстѣ съ симъ нужно озаботиться о дьячкахъ и прочихъ причетникахъ, а ихъ имѣеть только половина церквей оной епархіи, да и изъ сихъ причетниковъ едва половина знаетъ свое дѣло. Но недовольно еще приучить духовенство и причетниковъ къ настоящему греко-восточному богослуженію—сіе послѣднее не можетъ быть соблюдаемо безъ иконостасовъ, а оными на восемь сотъ церквей Литовской епархіи снабжена едва восьмая часть, да и въ сихъ послѣднихъ церквахъ престолы вообще устроены несвойственнымъ для греко-восточнаго богослуженія образомъ... Кромѣ того надобно снабдить почти всѣ церкви приличными священными облаченіями и сосудами, надобно приобрести для всѣхъ церквей многія, а по крайней мѣрѣ для половины всѣ церковныя книги—новыя издержки, новыя затрудненія. Все это сказано не для показанія какихъ-либо непреодолимыхъ трудностей въ преобразованіи греко-уніятскаго духовенства—напротивъ двухмѣсячное въ епархіи пребываніе слишкомъ меня убѣдило, что, при усердіи, благоразуміи и умѣнни пользоваться мѣстными обстоятельствами и соотношеніями, весьма многое можно сдѣлать самыми краткими, отъ епархіальнаго начальства зависящими, мѣрами... Но надобно знать предѣлы возможнаго; не надобно желать передѣлать вдругъ то, что поляки дѣлали въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ. Здѣсь необходимо время и важныя матеріальныя пособія, и я не знаю, чтобы тутъ сдѣлало само греко-россійское духовное начальство, если бы всѣ греко-уніятскія цер-

кви могли поступить нынѣ же въ непосредственное его вѣдѣніе? И такъ, лучше всего не отращать напрасно умовъ излишнею поспѣшностію въ измѣненіи наружной, если такъ сказать, оболочки греко-уніятской церкви; но предоставивъ таковое постепенно ходу и способамъ, кои для сею будутъ доставляемы, присоединить оную въ существенномъ отношеніи къ грекороссійской церкви. Ново

Такимъ образомъ, мы открываемъ новыя черты различія обоихъ плановъ: планъ Іосифа—это присоединеніе уніатовъ къ православной церкви въ *существенномъ отношеніи*, планъ западно-русскихъ властей естественно долженъ былъ вести къ наружному, видимому присоединенію уніатовъ. При всемъ томъ послѣдній планъ приобрѣталъ себѣ болѣе и болѣе послѣдователей и грозилъ великою опасностію всему дѣлу возсоединенія. Поразительнымъ фактамъ разложенія уніи, собраннымъ въ донесеніяхъ мѣстныхъ западно-русскихъ властей и разнообразнымъ ихъ проектамъ, прилагаемымъ къ этимъ фактамъ, данъ былъ ходъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода представилъ и эти факты и эти проекты на обсужденіе святѣйшаго Синода. Къ счастью, святѣйшій Синодъ посмотрѣлъ на нихъ съ тѣмъ христіанскимъ спокойствіемъ и непритязательностію, какія въ нашей церкви всегда выступаютъ наружу въ важныя минуты нашей православной жизни. Святѣйшій Синодъ не считалъ себя въ правѣ простирать власть на церковь другого вѣроисповѣданія, не принявъ предлагаемыхъ проектовъ и ограничился лишь тѣмъ, что постановилъ обратить вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на состояніе уніятской церкви, вмѣстѣ омидохдози

Слѣдствіемъ этихъ-то обстоятельствъ и было, главнымъ образомъ, вышеприведенное постановленіе уніятд

скаго собора 8-го февраля 1834 г. Уніятская коллегія сочла необходимымъ сдѣлать уступку въ пользу плана поспѣшнаго обращенія уніатовъ и рѣшилась сама сдѣлать поспѣшный шагъ. Какъ она была увѣрена въ необходимости этого шага, конечно, для предотвращения еще большихъ затрудненій, можно судить потому, что она рѣшилась оставить любимую мысль Іосифа—основать духовную академію въ Полоцкѣ, и употребила подготовленные для этой цѣли 28,000 р. на покупку церковныхъ книгъ.

По всему видно, что Іосифъ сильно пораженъ былъ обнаружившимся теперь разъединеніемъ правительственныхъ дѣйствій и, можетъ быть, предвидѣлъ уже и тогда ожидавшія его затрудненія отъ ускоренія дѣла воссоединенія. Въ томъ же 1834 г. онъ поѣхалъ въ западную Россію, видѣлся съ преосвященными—Полоцкимъ Смарагдомъ, Минскимъ Евгеніемъ, съ Виленскимъ генерал-губернаторомъ кн. Долгоруковымъ,—всѣмъ имъ онъ сообщилъ свои завѣтныя мысли, раскрылъ планъ своихъ дѣйствій, затѣмъ удалился въ свои любимыя Жировицы,—въ этотъ питомникъ возраждавшагося православія и, какъ видно по его письмамъ, ожилъ духомъ отъ испытанныхъ тревоженій. Но ему готовились новыя тревоги одна за другой. Въ Новогрудкѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, того же 1834 г. во время пребыванія тамъ Іосифа, составилъ почти соборный протестъ духовенства противъ постановленія уніятской коллегіи касательно введенія церковныхъ книгъ Московской печати и этимъ дѣломъ, по интригамъ пановъ и одного уніятскаго духовнаго, желавшаго выдвинуться чрезъ погибель соперниковъ, руководили лучшіе священники, стоявшіе до того времени за одно съ Іосифомъ,—въ числѣ ихъ былъ

одинъ изъ умнѣйшихъ товарищей Іосифа. Заграничная печать уже оглашала этотъ протестъ, когда въ концѣ тогоже 1834 г. Іосифъ возвратился въ Петербургъ, а между тѣмъ въ Петербургѣ ожидали его новыя тревоги. Выдвинуть былъ снова планъ поспѣшнаго обращенія уніатовъ и подчиненія ихъ синодальному управленію. Необходимость этого плана, повидимому, подтверждали новыя донесенія изъ западной Россіи, особенно донесеніе сердечнаго почитателя Іосифа, признававшего его въ официальной бумагѣ гениальнымъ человѣкомъ, и лучшаго западно-русскаго губернатора (гродненскаго) М. Н. Муравьева, который писалъ, что необходимо какъ можно скорѣе подчинить уніатскую церковь свят. Синоду и дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе, пока латиняне не успѣли распространить дурныхъ мнѣній и вооружить уніатовъ, что, по мнѣнію народа, русская вѣра была до сихъ поръ хлопскою, а теперь будетъ панскою, что прихожане слѣпо идутъ за священниками и даже осуждаютъ ихъ за незнаніе своего богослуженія. Затрудненіе Іосифа и графа Блудова было самаго щекотливаго свойства. Нельзя было Іосифу доказывать неблаговременность подчиненія уніатской церкви свят. Синоду. Точно также щекотливо было графу Блудову доказывать необходимость управленія уніатами не иначе, какъ посредствомъ того министерства, въ которомъ онъ самъ былъ министромъ. Изъ этихъ затрудненій вывелъ на нѣкоторое время того и другаго и всѣхъ уніатовъ, великій умъ Восточной Россіи, — членъ Синода и Московскій митрополитъ Филаретъ, который предложилъ „составить предварительно (изъ православныхъ и уніатскихъ лицъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ) для уніатскихъ дѣлъ особый комитетъ, коего цѣлью будетъ: согласиться мало

по малу и почти нечувствительно, безъ особыхъ объясненій, въ правилахъ касательно взаимныхъ отношеній Греко-россійской и Греко-уніятской церкви, обдумать и приготовить мѣры, которыя нужно принять въ послѣдствіи для успѣшнаго хода уніятскаго дѣла“. Іосифъ Сь-машко въ это время т. е. въ концѣ 1834 г. принялъ православіе и вступилъ въ этотъ комитетъ уже членомъ русской церкви, хотя это тогда не многимъ было извѣстно. На сколько намъ извѣстны дѣла этого комитета, открывшаго свои дѣйствія въ 1835 г. онъ относился къ уніятскому вопросу съ величайшею осторожностію. Дѣйствовали въ немъ собственно люди уніятскаго дѣла — Іосифъ и графъ Влудовъ. Слѣдовательно, планъ дѣйствій Іосифа, повидимому, восторжествовалъ; но на дѣлѣ этого не было. Планъ успѣшнаго веденія уніи жилъ, укрѣплялся. Онъ составлялъ необходимость тогдашняго склада нашей государственной жизни и тогдашнихъ обстоятельствъ. Тутъ выступали — уже не столько воссоединеніе уніатовъ, сколько давняя и до сихъ поръ неконченная борьба за обладаніе западной Россіей двухъ народовъ — русскаго и польскаго и двухъ государствъ — дѣйствительно существующаго русскаго и несуществующаго на дѣлѣ, но сильно живущаго въ преданіяхъ — польскаго. Поэтому планъ успѣшнаго обращенія уніатовъ восторжествовалъ. Въ слѣдующемъ 1836 г. дѣло уніятское ввѣрено было новому оберъ-прокурору св. Синода того времени, въ послѣдствіи графу, Пратасову, и пошло быстро. Черезъ три года, т. е. 1839 г. уніаты уже были воссоединены съ православною церковью и въ 1842 г. всѣ дѣла ихъ переданы св. Синоду. Известно, что эти три года очень богаты судными

дѣлами по воссоединенію уніатовъ, — дѣлами, возбуждившими во всей Европѣ и даже внутри Россіи — во многихъ чисто русскихъ людяхъ, самое невыгодное мнѣніе о воссоединеніи уніатовъ. Извѣстно также, что тяжесть этого мнѣнія пала и на графа Пратасова и на графа Блудова и въ особенности на митрополита Іосифа.

Предѣлы настоящей статьи не дозволяютъ намъ войти въ разборъ этихъ судныхъ дѣлъ и основанныхъ на нихъ мнѣній о воссоединеніи уніатовъ и о главныхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ въ немъ; но мы не можемъ не высказать вѣсколькихъ соображеній, выработанныхъ нами путемъ изученія многихъ сотенъ этихъ дѣлъ и распросовъ на мѣстахъ въ западной Россіи, — соображеній, которыя надѣемся легко могутъ установить точку зрѣнія на эти печальныя событія и на главное лице, исправлявшее ихъ ходъ, — на митрополита Іосифа.

Объ польскія смуты, — 1831 и 1863 г. представляютъ поразительное сходство главнѣйшихъ явленій, предшествовавшихъ имъ и слѣдовавшихъ за ними. Какъ передъ послѣднею польскою смутою, русскій народъ этой страны призванъ былъ къ новой русской жизни дарованіемъ ему свободы отъ польской крѣпостной зависимости и въ этомъ сказалось какъ бы инстинктивное возбужденіе русской строительной силы въ виду собиравшейся польской грозы, такъ и передъ первою польскою смутою сказалось подобное же возбужденіе этой строительной русской силы въ стремленіи уніатовъ къ религіозному освобожденію отъ поляковъ и къ сближенію съ православной Россіей. Далѣе, — какъ послѣ недавней смуты всѣ интриги двигателей польской sprawy сосредоточились на народѣ, чтобы затормозить его развитіе и ослабить эту всегдашнюю опору Россіи, такъ и по-

слѣ первой польской смуты т. е. послѣ 1831 г. поляки собрали всѣ свои силы, чтобы затруднить, запутать воссоединеніе уніатовъ. Планъ поспѣшнаго воссоединенія уніатовъ, вызванный главнымъ образомъ ими самими, былъ для нихъ въ этомъ случаѣ истинною находкою. Планъ поспѣшнаго обращенія естественно больше всего возмущалъ даровитыхъ, самостоятельно развитыхъ и честныхъ уніатовъ. Многие изъ нихъ, не зная дѣла, какъ оно есть, отшатнулись отъ Іосифа. Это была тяжкая для него потеря, а для поляковъ великое приобрѣтеніе. Предсказаніе графа Блудова, что этою поспѣшностію не преминуть воспользоваться римскіе католики, сбывалось съ 1836 г., можно сказать, каждый день. Вотъ, съ какой стороны нужно смотрѣть прежде всего на щекотливыя исторіи воссоединенія уніатовъ послѣ 1835 г. Само собою разумѣется, что не всегда легко можно было добираться до истинныхъ виновниковъ религіозныхъ волненій въ уніатской средѣ. Лица, производившія слѣдствія по поводу этихъ волненій, большею частію мало знакомыя съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ западной Россіи или даже принадлежавшія сами къ польской партіи, обыкновенно представляли только ближайшіе, очевидные факты, доказывавшіе волненіе, и ближайшихъ участниковъ въ немъ, т. е. уніатовъ — священниковъ и народъ, которыхъ и должна была постигать кара государственнаго правосудія. Но тутъ то и сказывалась вся сила ясновидѣнія ума и горячая любовь къ родинѣ митрополита Іосифа. Силою своего необыкновеннаго ума и знанія западной Россіи, силою своего народолюбиваго сердца онъ видѣлъ и чувствовалъ, что уніаты — священники и крестьяне меньше всего виноваты въ волненіяхъ, что они большею частію были только

слѣпыми, невольными, — часто изъ подъ палокъ — орудіями латино-польскихъ вождей. Прочитанныя нами слѣдственные дѣла по возсоединенію уніатовъ показываютъ, что Іосифъ, при первомъ прикосновеніи къ какому-либо подобному дѣлу, сразу уменьшалъ число уніатовъ, подлежащихъ отвѣтственности и сразу обнаруживалъ латино-польскія интриги. Въ нерѣдкихъ случаяхъ, поставившихъ въ безвыходное, повидимому, положеніе всѣ власти — и низшія и высшія, Іосифъ выступаетъ съ такою силою ясновидѣнія и величія духа, что невозможно не преклониться передъ этою могучею, народною личностію. Рядомъ съ этою силою ясновидѣнія и величія народнаго духа блѣднѣютъ тѣ немногіе случаи раздраженія, безъ которыхъ не могло обойтись такое запутанное дѣло и которые мы въ свое время расскажемъ со всею откровенностію. Такимъ образомъ, тѣ самыя дѣла, въ которыхъ яснѣе всего сказались лучшія стороны богатой души Іосифа, — его снисхожденіе и любовь къ родному народу, обращались обыкновенно въ укоръ ему, потому что многіе русскіе не видѣли, а поляки не хотѣли видѣть тѣхъ, кого спасалъ Іосифъ отъ бѣды, и, видя только тѣхъ, кто введенъ былъ въ бѣду, приписывали ее Іосифу. Въ этомъ отношеніи Іосифу выпала доля, совершенно одинаковая съ долею Мельхиседека Яворскаго, Виктора Минскаго и многочисленныхъ другихъ подвижниковъ западной Россіи, оклеветанныхъ поляками за то самое, за что тѣ заслуживали величайшей похвалы и благодарности. Но Іосифъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что никто изъ нихъ не воспиталъ кругомъ себя такого большаго числа послѣдователей, какъ онъ. Мы живо помнимъ неотразимое обаяніе этой воспитательной силы, — мы живо пом-

нимъ изъ время нашей юности тѣ вечернія минуты, когда въ Виленскую семинарію пріѣзжалъ покойный митрополитъ, когда онъ въ ученической комнатѣ садился среди насъ на ученическомъ стулѣ и бесѣдовалъ съ нами. Въ этой бесѣдѣ обнаруживалось, что онъ зналъ всѣхъ родныхъ почти каждого изъ насъ, всю ихъ обстановку, характеры главнѣйшихъ членовъ. Въ одно мгновение онъ переносилъ мальчика, сидящаго за книгой въ семинаріи, вдали отъ дома, въ этотъ самый домъ, въ кругъ его родныхъ, въ кругъ ихъ интересовъ и всюду предносилъ передъ этимъ мальчикомъ идеалъ знанія, служенія дѣлу. Семья, родина, наука, великое будущее сливались тутъ въ одинъ образъ, захватывавшій душу, мало мальски живую.

Не менѣе могущественное вліяніе производилъ Іосифъ и на взрослыхъ—другою силою своей души, доказывавшею въ немъ высокое христіанское развитіе. Это—поразительное постоянство вниманія, дружбы. Не было въ западной Россіи челоуѣка, который бы былъ ровнѣе и тверже покойнаго митрополита Іосифа въ отношеніяхъ къ людямъ. Съ особенною ясностію это постоянство сказывалось въ его отношеніяхъ ко всѣмъ, стоявшимъ съ нимъ за-одно въ дѣлѣ воссоединенія. На всѣхъ, содѣйствовавшихъ ему въ этомъ великомъ дѣлѣ, онъ смотрѣлъ какъ на силу, выражавшую въ себѣ дорогое преданіе западно-русской церкви и внушалъ всѣмъ молодымъ труженикамъ уважать ее, даже переносить съ терпѣніемъ ея недостатки. Мы не сомнѣваемся, что могилу этого великаго западно-русскаго святителя съ одинаковою нѣжностію орошаютъ слезами и воспитанные имъ молодые люди и почтенные старики, — первые помощники въ его подвигѣ. Вліяніе митрополита Іосифа проникло

само собою и за предѣлы сѣверозападной Россіи — въ Холмскую область и даже въ Галицію. Въ 1837 г. онъ получилъ отъ 20 священниковъ Холмской области прошеніе, въ которомъ они жаловались на „притѣсенія, претерпѣваемые холмскими уніятами отъ римлянъ, на явное направленіе своего начальства обратить всѣхъ уніатовъ польскаго царства къ римскому исповѣданію“, одобрили преобразования, послѣдовавшія касательно уніатовъ въ Россіи, и предлагали Іосифу поручить сношенія съ ними священнику Жиповскому, жившему около Бреста... И въ отдаленной странѣ Галиціи, писалъ въ одной бумагѣ Іосифъ въ томъ же 1837 г. чувствуя свое отчужденіе (отъ Россіи) — недавно Львовскій архіепископъ (Левицкій) требовалъ конфиденціально, чрезъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ, богослужебныхъ книгъ православныя греко-россійскія церкви, признавая уніатскія измѣненными по римскимъ руководствамъ“. Наконецъ, въ послѣднюю польскую смуту Іосифъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что возсоединеніе уніатовъ дѣйствительно сдѣлалось народнымъ дѣломъ. Народная преданность Россіи, народное противодѣйствіе Польшѣ, народные мученики, принявшіе смерть въ эту смуту за православную Русь, народная любовь къ русскому, православному ученію — все это на половину плоды того дѣла, которое онъ положилъ въ основу западно-русской жизни.

На все это покойный митрополитъ Іосифъ имѣлъ гораздо болѣе вліянія, нежели сколько у насъ знаютъ. Всѣмъ стало извѣстно, — и то лишь благодаря усиліямъ поляковъ очернить имя Іосифа, письмо митрополита къ оберъ-прокурору св. Синода, писанное въ 1855 году о приготовленіяхъ поляковъ западной Россіи въ смутѣ; но

не многимъ извѣстно, какія усилія онъ дѣлалъ на мѣстѣ для противодѣйствія полякамъ во все послѣднее время до самой смуты. Въ эти тяжелыя времена онъ болѣе, чѣмъ когда либо, имѣлъ частыя сношенія съ священниками, разрѣшалъ ихъ недоразумѣнія и вразумлялъ, какъ дѣйствовать среди затрудненій. Онъ даже преобразовалъ для этого управленіе духовенствомъ, — устроилъ самыя малыя благочинія для большаго удобства духовенства получать отъ него черезъ благочинныхъ наставленія и давать ему знать о своихъ затрудненіяхъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда всѣ наши власти были въ крайнемъ разслабленіи, когда въ иныхъ мѣстахъ ихъ почти не существовало, одинъ Іосифъ спокойно держалъ всѣ нити своего управленія, и въ каждую пору могъ передать своему духовенству, а черезъ него и народу указаніе, какъ вести себя, какъ бороться съ поляками. Этимъ то въ значительной степени нужно объяснять то ясное пониманіе своего положенія, какимъ обладалъ народъ передъ смутой и то спокойствіе его, которое онъ сохранялъ среди всѣхъ панскихъ козней, даже во время военныхъ экзекуцій, вызванныхъ панами нарочно, чтобы вооружить народъ противъ Россіи. Этимъ также нужно объяснять и то, что самыя слабыя священники вѣрно исполняли свой долгъ въ тѣ трудныя времена и не поддавались полякамъ.

Но эти послѣдніе труды сокрушили вѣрную природу покойнаго митрополита Іосифа. Нужно вспомнить тѣ тяжелыя обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось доканчивать свою службу западной Россіи. Извѣстно, до какихъ предѣловъ доходила необузданность поляковъ передъ послѣднею польскою смутой. Извѣстно также, что большая часть русскаго общества поражена была

тогда недугомъ неразумнаго сочувствія къ полякамъ. Послѣдствія того и другого зла прежде всего обрушились на покойнаго митрополита, — онъ получалъ невниманіе, непріятности, оскорбленія со всѣхъ сторонъ. Онъ долженъ былъ уединиться, заключиться въ своей народной думѣ, отвергаемой тогда даже властными людьми. Его крѣпкая природа, требовавшая кипучей, практической дѣятельности и постояннаго движенія, не вынесла этихъ двойныхъ страданій и душевныхъ и тѣлесныхъ, — послѣдовалъ (кажется въ 1857 г.) параличный ударъ, который поляки сейчасъ же стали объяснять по своему, и однихъ вразумляли, что это послѣдствіе мірской будто бы жизни, а другимъ внушали, что это кара Божія за воссоединеніе. Къ несчастію, покойный митрополитъ сталъ лечиться у такого доктора, который въ послѣдствіи оказался начальникомъ медицинской части въ польскомъ тайномъ Жондѣ и котораго леченіе признано было другими докторами вреднымъ для покойнаго митрополита. Поправить вольную или невольную ошибку этого доктора было трудно. Пораженія тѣла возобновлялись и учащались. Мучительная борьба жизни съ смертію продолжалась однако очень долго. Ходъ этой борьбы, какъ удостовѣряютъ лица, близко наблюдавшіе митрополита Іосифа, весьма много зависѣлъ отъ обстоятельствъ западной Россіи. Были эти обстоятельства хороши, русское дѣло шло къ успѣху вѣрными путями — силы митрополита Іосифа оживали; дѣлались эти обстоятельства хуже, русское дѣло сдвигалось съ правильныхъ путей, — силы его падали. Всѣмъ извѣстно, что эти силы окончательно упали въ такія времена западной Россіи, которыя не могутъ не вызывать боли въ самыхъ муже-

ственныхъ русскихъ сердцахъ. — Съ первыхъ дней своей сознательной жизни и до послѣдней минуты митрополитъ Іосифъ весь жилъ западной Россіей. Этимъ, между прочимъ, объясняется и та, печальная во многихъ отношеніяхъ, необходимость, по которой онъ не могъ оставить управленія паствой въ послѣднее время. Для него это значило оставить свою душу, свою жизнь!

Покойный митрополитъ Іосифъ глубоко уважалъ силу общественнаго мнѣнія и слѣдилъ за нимъ съ постояннымъ вниманіемъ. „Честное имя должно быть драгоценно для честнаго человѣка“, писалъ онъ въ одномъ официальномъ письмѣ въ 1855 г., „и я обязанъ пещись о немъ не только для себя, но и для церкви православной, которой я усердный сынъ и небезполезный дѣлатель“. Онъ считалъ своею обязанностію приготовить русскому обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и съ давнихъ поръ составлялъ свои записки. Записокъ этихъ онъ составилъ пять томовъ, и, какъ пишутъ намъ изъ Вильны лица, близко знавшія мысли покойнаго митрополита, неразъ собирался приступить къ ихъ изданію. Нынѣ записки эти пожертвованы Академіи Наукъ вмѣстѣ съ пятью тысячами рублей на ихъ изданіе. Нельзя не пожелать, чтобы изданіе этого замѣчательнѣйшаго труда послѣдовадо въ возможно скоромъ времени.

Собирая съ 1862 г. матеріалы для исторіи воссоединенія уніатовъ, мы пришли къ убѣжденію, что едва ли у насъ есть событіе, о которомъ сохранилось бы столько богатыхъ официальныхъ документовъ, какъ о воссоединеніи уніатовъ. Но при этомъ богатствѣ нельзя

не чувствовать и важнаго недостатка, именно, недостатка неофициальныхъ, частныхъ свидѣтельствъ. Этотъ недостатокъ, повидимому, восполняется значительнымъ запасомъ свѣдѣній, собранныхъ и изданныхъ во многихъ книгахъ поляками; но этотъ запасъ такого джигваго свойства, что имъ можно пользоваться не иначе, какъ съ величайшею осторожностію. Желательно имѣть подобные матеріалы изъ русскихъ рукъ. Начало этому сдѣлано достойнѣйшимъ помощникомъ покойнаго митрополита Іосифа въ дѣлѣ воссоединенія, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, бывшимъ архіепископомъ минскимъ, нынѣ пребывающимъ на покой, котораго воспоминанія о греко-уніятской церкви въ западномъ краѣ напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1864 г. Теперь, въ скоромъ, безъ сомнѣнія, времени сдѣлаются извѣстными и записки митрополита Іосифа, которыхъ важнѣйшую часть, конечно, будутъ составлять частныя свѣдѣнія и мнѣнія самаго автора. Нельзя не пожелать, чтобы и другія лица, участвовавшія въ воссоединеніи или близко знавшія это событіе, поспѣшили подѣлиться своими знаніями. Мы съ величайшею радостію приняли бы сообщенія, если бы эти лица удостоили насъ своимъ довѣріемъ. Въ особенности мы желали бы получить свѣдѣнія, воспоминанія и документы о слѣдующихъ событіяхъ и лицахъ:

1) О минскомъ епископѣ Викторѣ Садковскомъ и объ его дѣятельности въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

2) О дѣятельности уніятскаго митрополита Ираклія Лисовскаго. Послѣ него осталось много писемъ. Часть ихъ находится, помнится, въ виденской публичной библиотекѣ.

3) О дѣятельности и въ особенности о смерти по-
лоцкаго архіепископа Іоанна Красовскаго.

4) О дѣйствіяхъ Брестской капитулы въ первой чет-
верти настоящаго столѣтія и о планѣ, выработанномъ
среди ея членовъ, чтобы въ архіереи избирались кан-
дидаты изъ блага духовенства.

5) Воспоминанія о дѣтствѣ и юности покойнаго ми-
трополита Іосифа.

6) О сочувствіи блага духовенства первымъ мѣрамъ
къ очищенію уніи и о лицахъ, дѣйствовавшихъ за одно
съ Іосифомъ до 1834.

7) О состояніи базилианскаго ордена въ послѣднихъ
двадцатыхъ и первыхъ тридцатыхъ годахъ и о совѣща-
ніяхъ съ базилианами провинціала Жарскаго касательно
подчиненія ордена св. Синоду.

8) О Новогрудскомъ протестѣ противъ постановленія
уніятской коллегіи 1834, — о вліяніяхъ пановъ на Плав-
скаго, Горбацевича и о домашнихъ въ этомъ дѣлѣ интри-
гахъ между уніятами.

9) О Церковницкомъ (Витеб. губ.) протестѣ 1836, —
въ особенности важно знать, кто собиралъ подписи
подъ этимъ протестомъ и кто помѣщалъ подпись лица,
невладѣвшаго рукою.

10) О подобномъ же протестѣ бывшихъ канони-
ковъ Брестской капитулы, — священниковъ Бѣльскаго
уѣзда 1837.

11) Воспоминанія объ участіи польскихъ ксендзовъ
и пановъ въ уніятскихъ волненіяхъ 1836, 1837, 1838
и 1839 гг.

12) Воспоминанія о пребываніи священниковъ въ
Жиrowицахъ для изученія обрядовъ восточной церкви.

13) Воспоминанія о собираніи подписоꝝ на присоединеніе къ православію.

14) Воспоминанія о торжествахъ по случаю присоединенія къ православію, особенно въ Подолкѣ.

15) Воспоминанія о настроеніи народа во время возсоединенія, — въ областяхъ малороссійскаго племени, въ областяхъ бѣлорусскаго племени.

16) Въ какихъ уніятскихъ церквяхъ находились на чердакахъ иконостасы, престолы и другія принадлежности православныхъ храмовъ?

17) Въ какихъ мѣстахъ польскіе паны свѣкли крестьянъ, чтобы они не смѣли принимать православія, и обременяли ихъ излишними работами?

18) Воспоминанія о разборѣ по приходамъ крестьянъ, кто изъ нихъ православнаго вѣроисповѣданія и кто латинскаго въ 1839, 1840 и далѣе.

19) Біографическія замѣтки о лицахъ изъ народа, духовенства уніятскаго, латинскаго, изъ польскаго дворянства, изъ русскаго чиновнаго міра, выдѣлявшихся особенными дѣйствіями во времена возсоединенія.

20) Замѣчательные случаи и анекдоты изъ временъ возсоединенія уніатовъ.

Всѣ сообщенія могутъ быть присылаемы въ правленіе петербургской *православной*, духовной академіи для передачи профессору М. О. Козловичу.

Вопрос 22. Каким образом...

Цѣна безъ пересылки 25 коп.